

Отецъ Серафимъ.

Отъ Московскаго Духовно Цензурнаго Комитета печатать дозволяется
Москва. Юля 2 дня 1908 года

Цензоръ Протоиерей *Иоаннъ Петропавловскій.*

Сергій Нилусъ.

ДУХЪ БОЖІЙ

ЯВНО ПОЧИВШІЙ НА ОТЦѢ

СЕРАФИМЪ САРОВСКОМЪ

ВЪ БЕСѢДѢ ЕГО

О ЦѢЛИ ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ

съ симбирскимъ помѣщикомъ и совѣстнымъ судьей,
Николаемъ Александровичемъ Мотовиловымъ.

(Изъ рукописныхъ воспоминаній Н. А. Мотовилова).

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1903.

Доволено цензурою. Москва, 26 июня 1903 года.

За мѣсяць до Высочайшаго повелѣнія объ ускореніи производящагося въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣла о прославленіи Святого Угодника Божія, Серафима Саровскаго, Госиодъ привелъ меня опять въ Саровъ и Дивѣевъ. Изъ трехъ современницъ о. Серафима, которыхъ я встрѣтилъ въ первую свою поѣздку, я засталъ въ живыхъ одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, въ 1900 году, отошла въ селеніе праведныхъ мать Ерміонія; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванеія.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся станъ, стали меркнуть еще такъ недавно свѣтлыя и пронизательныя очи. Серафиму не нужно уже земныхъ свидѣтелей его праведности, онъ зоветъ ихъ къ себѣ въ мѣста вѣчнаго упокоенія видѣть и раздѣлять съ нимъ его славу, ту нетлѣнную и вѣчно неуважающую, которую Господь отъ вѣка уготовалъ всѣмъ любящимъ Его, идѣ же лица святыхъ, Господи, и праведницы сіяютъ, яко свѣтала!

Но свѣжесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живетъ и расцвѣтаетъ въ ея воспоминавіяхъ, и время не имѣетъ власти надъ ними!

По просьбѣ моей и съ разрѣшенія игуменіи, Елена Ивановна дала мнѣ цѣлый коробъ бумагъ, оставшихся послѣ покойнаго ея мужа, Николая Александровича. Всякій, кто

интересовался житием о Серафима, долженъ знать это имя, которое такъ тѣсно связано съ именемъ батюшки и устроенной имъ Дивѣевской женской обители. Непонятнымъ жилъ этотъ человекъ, не оцѣненнымъ и умеръ, но былъ онъ при жизни «служкой Серафимовымъ», какъ онъ самъ любилъ называть себя, такимъ и послѣ смерти остался. Въ бумагахъ его довелось мнѣ найти такое сокровище, которое по справедливости можетъ быть названо величайшимъ актомъ вѣры. Этой драгоценностью съ сохранениемъ всей своеобразности слога сороковыхъ годовъ минувшаго столѣтя, на которомъ она написана, я и желаю подѣлиться съ православнымъ читателемъ.

„Истинно, истинно говорю вамъ
вѣрующій въ Меня, дѣла, кото-
рыя творю Я, и онъ сотворить, и
больше сихъ сотворить“ (Иоан
XIV, 12)

I

«Однажды»,—пишетъ въ своихъ запискахъ Мотовиловъ
—«это было въ Саровской пустыни, вскорѣ послѣ исцѣленія
моего, въ началѣ зимы 1831 года, во вторникъ конца ноября,
я стоялъ во время вечера въ тепломъ соборѣ Живоноснаго
Источника на обыкновенномъ, какъ и потомъ всегда бывало,
мѣстѣ моемъ, прямо противъ чудотворной иконы Божией
Матери. Тутъ подошла ко мнѣ одна изъ сестеръ Мельнич-
ной ¹⁾ общины Дивѣевской О названіи и существованіи
этой общины, отдѣльномъ отъ другой церковной, тоже Ди-
вѣевской, общины, я не имѣлъ тогда еще никакого понятія.
Эта сестра сказала мнѣ

— Ты что ли хроменькій баринъ, котораго исцѣлилъ вотъ
недавно нашъ батюшка, отецъ Серафимъ?

Я отвѣчалъ, что это именно я и есть.

— Ну, такъ,—сказала она,—иди къ батюшкѣ—онъ велѣлъ
позвать тебя къ себѣ. Онъ теперь въ кельѣ своей въ мона-
стырѣ и сказалъ, что будетъ ждать тебя.

Люди, хотъ разъ при жизни великаго старца Серафима
бывше въ Саровской пустыни и хотъ только слышавше о немъ,
могутъ постигнуть вполнѣ, какою неизъяснимою радостью
наполнилась душа моя при этомъ нечаянномъ зовѣ его.
Оставивъ слушаніе Божественной службы, я немедленно

¹⁾ При Дивѣевской общинѣ въ началѣ ея существованія о Сера-
фимѣ велѣлъ устроить вѣтряную мельницу, чтобы сестры при бѣдности
своей могли бы кормиться отъ своихъ трудовъ. Отъ этой мельницы по-
лучила названіе „мельничной“ та часть обители, въ которую, по завѣту
старца, должны были приниматься однѣ лишь дѣвцы

побѣжалъ къ нему, въ келлію его. Батюшка о. Серафимъ встрѣтилъ меня въ самыхъ дверяхъ сѣней своихъ и сказалъ мнѣ:

— Я ждалъ ваше Боголюбіе и вотъ только немного повремените, пока я поговорю съ сиротами моиими. Я имѣю много и съ вами побесѣдовать. Садитесь вотъ здѣсь!

При этихъ словахъ онъ указалъ мнѣ на дѣсенку съ приступками, сдѣланную, вѣроятно, для закрыванія трубъ печныхъ и поставленную противъ печки его, устьемъ въ сѣни, какъ и во всѣхъ двойныхъ кельяхъ Саровскихъ, устроенной. Я сѣлъ было на нижнюю ступеньку, но онъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ! повыше сядьте!

Я пересѣлъ на вторую, но онъ сказалъ мнѣ:

— Нѣтъ, ваше Боголюбіе! На самую верхнюю ступеньку садитесь извольте. И усадивъ меня, прибавилъ:

— Ну, вотъ сидите же тутъ и подождите, когда я побесѣдую съ сиротами моиими, выйду къ вамъ.

Батюшка ввелъ къ себѣ въ келію двухъ сестеръ, изъ коихъ одна была дѣвица изъ дворянъ, сестра Нижегородскаго помѣщика Мавторова, Елена Васильевна, какъ о томъ мнѣ на мой спросъ сказали оставшіяся со мной въ сѣницахъ сестры.

Долго я сидѣлъ въ ожиданіи, когда и для меня отворить двери великій старецъ. Думаю, сидѣлъ я такъ часа два. Вышелъ ко мнѣ изъ другой ближайшей ко входу въ сѣни сей келліи келейникъ о. Серафима, Павелъ, и, несмотря на отговоры мои, убѣдилъ меня посѣтить его келію и сталъ мнѣ дѣлать разныя наставленія къ жизни духовной, въ самомъ же дѣлѣ имѣвшія цѣлю, по наущенію вражьему, ослабить мою любовь и вѣру въ заслуги передъ Богомъ великаго старца Серафима.

Мнѣ стало грустно и я со скорбью сказалъ ему:

— Глушь я былъ, о. Павелъ, что, послушавшись убѣжденій вашихъ, вошелъ къ вамъ въ келію. Отецъ игумень, Нифонтъ, великій рабъ Божій, но и тутъ въ Саровскую пустынь я не для него пріѣзжалъ и пріѣзжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святину, но лишь для одного только батюшки о. Серафима, о коемъ думаю, что и въ древности мало было такихъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, одаренныхъ силою Илиною и Моисеевою. Вы же кто такіе, что навязываетесь ко мнѣ съ вашими наставленіями, тогда какъ, догадываюсь я, вы и пути-то Божьяго порядочно сами не

знаете. Простите меня—я сожалѣю, что послушалъ васъ и зашелъ къ вамъ, въ келлію.

Съ тѣмъ я, выпелъ я отъ него и сѣлъ опять на верхнюю ступеньку дѣсенки въ сѣнцахъ бѣтюзинной келліи. Потомъ я слышалъ отъ того же о. Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривалъ, говоря ему: «не твое дѣло бесѣдовать съ тѣми, которые убогаго Серафима слова жаждутъ и къ нему прїѣзжаютъ въ Саровъ. И я самъ, убогій, не свое имъ говорю, но что Господь изволить мнѣ открыть для назиданія. Не мѣшайся не въ свои дѣла. Себя самого знай, а учить никогда никого не смѣй: не даль Богъ тебѣ этого дара—вѣдь онъ подается не даромъ людямъ, а за заслуги ихъ передъ Господомъ Богомъ Нашимъ и по особенной Его милости и Божественному о людяхъ смотрѣнію и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назиданія дорожащихъ и малою рѣчью и едва замѣтною чертою характера великаго старца Серафима.

Когда же около двухъ часовъ побесѣдовалъ старецъ со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка, о. Серафимъ, проводивъ сестеръ, сказалъ мнѣ:

— Долго задержалъ я васъ, ваше Боголюбіе! Не вздыхайте, вотъ сиротки мои нуждались во многомъ, такъ, я, убогій, и утѣшилъ ихъ! Пожалуйте въ келлію.

Въ келліи этой своей, монашеской, онъ пробесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ, относившихся до спасенія души и до жизни мірской и велѣлъ мнѣ съ отцомъ Гуріемъ, Саровскимъ гостинникомъ, на другой день послѣ ранней обѣдни, ѣхать къ нему въ ближнюю пустыньку.

II.

Цѣлую ночь проговорили мы съ о. Гуріемъ про о. Серафима, цѣлую ночь почти не спавши отъ радости, и на другой день отправились мы къ батюшкѣ о. Серафиму въ его ближнюю пустыньку, даже вичего не пивши и вичего не закусивши, и цѣлый день до поздней ночи не пивши, не ѣвши пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили къ великому старцу и всѣ отходили, не получивъ его благословенія, а, постоявъ немного въ его сѣнцахъ, возвращались вспять; человѣкъ семь или восемь остались съ нами ждать конца этого дня и выхода изъ пустыньки

батюшки о Серафима, въ томъ числѣ, какъ сейчасъ помню, была жена Балахнинскаго казначея изъ уѣзднаго города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая объ отарыти святыхъ мощей Пафлутія, кажется, въ Балахнѣ неглубино почивающаго. Онѣ рѣшились съ нами дожидаться отворенія дверей великаго старца На конецъ и они смутились духомъ и даже самъ о Гурій, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказалъ мнѣ

— Ужъ темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчикъ кучеръ ѣсть, вѣроятно, хочетъ. Да какъ бы, если позже поѣдемъ, и звѣри на насъ не напали бы ¹⁾

Но я сказалъ

— Нѣтъ, батюшка о Гурій, поѣзжайте вы одни назадъ, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звѣри растерзаютъ здѣсь, а я не отойду отъ двери батюшки о Серафима, хоть бы мнѣ и голодною смертию при нихъ пришлось умереть, а все-таки стану ждать его, покуда отворить онъ мнѣ двери святой своей кельи!

И батюшка о Серафимъ весьма немного погоды дѣйствительно отворилъ двери своей кельи и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ

— Ваше Боголюбіе, я васъ звалъ но не взыщите, что я не отворалъ цѣлый день нынѣ среда, и я безмолствую, а вотъ завтра—милости просимъ, я радъ буду душевно съ вами побесѣдовать. Но уже не такъ рано извольте жаловать ко мнѣ, а то, не кушавши цѣлый день, вы изнемогли вельми. А такъ—послѣ поздней обѣдни, да подкрѣпивши себя довольно пищею, пожалуйста съ о Гуріемъ ко мнѣ. Теперь грядите и подкрѣпитесь пищею—вы изнемогли.

И сталъ насъ, начиная съ меня, благословлять и сказалъ о Гурію

— Такъ, другъ, такъ-то радость моя, завтра съ господи номъ то пожалуйста ко мнѣ на ближнюю мою пажитику, тамъ меня обрящете, а теперь грядите съ миромъ. До свиданія, ваше Боголюбіе!

Съ этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не можетъ выразить той радости, когоруку

¹⁾ Надобно знать дѣствительный Саровскій лѣсъ окружающій Саровскую пустынь на десяти тысячъ десятинъ, чтобы оцѣнить естественный страхъ о Гурія.

я ощутилъ въ сердцѣ моемъ. Я плавалъ въ блаженствѣ. Мысль, что, несмотря на долготерпѣнныя цѣлаго дня, я хоть подѣ конецъ да сподобился однакоже не только узрѣть лицо о Серафима, но и слышать привѣтъ его Богодухновенныхъ словесъ, такъ утѣшила меня! Да, я былъ на высотѣ блаженства, никакимъ земнымъ подобіемъ неизобразимой, и, несмотря на то, что я цѣлый день не пилъ, не ѣлъ, я сдѣлался такъ сытъ, что какъ будто наѣлся до пресыщенія и напился до разумнаго упоенія. Говорю истину, хоть, можетъ быть, для нѣкоторыхъ, не испытавшихъ на дѣлѣ, что значить сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человѣкъ во время наитія Духа Божія, слова мои и покажутся преувеличенными, и рассказъ черезчуръ восторженнымъ. Но увѣряю совѣстью православно-христіанскою, что нѣтъ здѣсь преувеличенія, а все сказанное сейчасъ мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представленіе того, что я тогда дѣйствительно ощущалъ въ сердцѣ моемъ.

Но кто дастъ мнѣ глаголь, могущій хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на слѣдующій день⁹¹.

III

Это было въ четвертокъ. День былъ пасмурный. Снѣгу было на четверть на землѣ, а сверху порошила довольно густая снѣжная крупа, когда батюшка о. Серафимъ началъ бесѣду со мной на ближней пажитинѣ своей, возлѣ той же его ближней пустыньки противъ рѣчки Саровы, у горы, подходящей близко къ берегамъ ея.

Помѣстивъ онъ меня на пень только-что имъ срубленнаго дерева, а самъ сталъ противъ меня на корточкахъ.

— Господь открылъ мнѣ, — сказала великій старецъ, — что въ ребячествѣ вашемъ вы усердно желали знать, въ чемъ состоитъ цѣль жизни нашей христіанской, и у многихъ великихъ духовныхъ особъ вы о томъ неоднократно спрашивали.

Я долженъ сказать тутъ, что съ 12-ти-лѣтняго возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, дѣйствительно, ко многимъ изъ духовныхъ лицъ обращался съ этимъ вопросомъ, но отвѣты ихъ меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвѣстно.

— Но никто,—продолжалъ о. Серафимъ,—не сказалъ вамъ о томъ опредѣлительно. Говорили вамъ: ходи въ церковь, молись Богу, твори заповѣди Божіи, твори добро—вотъ тебѣ и цѣль жизни христіанской. А нѣкоторые даже негодовали на васъ за то, что вы заняты не Богоугоднымъ любопытствомъ и говорили вамъ: высшихъ себя не ищи. Но они не такъ говорили, какъ бы слѣдовало. Вотъ я, убогий Серафимъ ⁴⁾, растолкую вамъ теперь, въ чемъ, дѣйствительно, эта цѣль состоитъ.

Молитва, постъ, бдѣніе и всякія другія дѣла христіанскія, сколько ни хороши они сами по себѣ, однако не въ дѣланіи только ихъ состоитъ цѣль нашей христіанской жизни, хотя они и служатъ необходимыми средствами для достиженія ея. *Истинная же цѣль жизни нашей христіанской состоитъ въ стяжаніи Духа Святаго Божіаго.* Постъ же и бдѣніе, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради дѣлаемое доброе дѣло суть средства для стяжанія Святаго Духа Божіаго. За мѣйте, батюшка, что лишь только ради Христа дѣлаемое доброе дѣло приноситъ намъ плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа дѣлаемое, хотя и доброе, но мзды въ жизни будущаго вѣка намъ не представляетъ да и въ зѣлнейшей жизни благодати Божіей тоже не даетъ. Вотъ почему Господь Іисусъ Христосъ сказалъ: «всякъ иже не собираетъ со Мною, той расточаетъ». Доброе дѣло нельзя иначе назвать, какъ собираемъ, ибо хотя оно и не ради Христа дѣлается, однако же добро. Писаніе говоритъ: «во всякомъ языкѣ бойся Бога и дѣлаай правду, приятенъ Ему есть». И какъ видимъ изъ послѣдовательности священнаго повѣствованія этотъ «дѣлаай правду» до того приятенъ Богу, что Корнилию сотнику, боавшемуся Бога и дѣлавшему правду, явился ангелъ Господень во время молитвы его и сказалъ: «пошли въ Іопцію къ Симону Усмарю, тамо обратиши Петра и той ти речеть глаголы живота вѣчнаго, въ нихъ спасешися ты и весь домъ твой». Итакъ, Господь всѣ свои Божественныя средства употребляетъ, чтобы доставить такому человѣку возможность за свои добрыя дѣла не лишиться награды въ жизни пакибтія. Но для этого надо начать здѣсь правой вѣрой въ Господа нашего Іисуса Христа, Сына Божія, пришедшаго въ міръ

⁴⁾ Батюшка произносилъ свое имя, какъ всѣ куряне, не Серафимъ, а—,Серафимъ“.

грѣшныя спасти и пріобрѣтеніемъ себѣ благодати Духа Святаго, вводящаго въ сердца наши царствіе Божіе и прокладывающаго намъ дорогу къ пріобрѣтенію блаженства жизни будущаго вѣка. Но тѣмъ и ограничивается эта пріятность Богу дѣлать добрыхъ, не ради Христа дѣлаемыхъ: Создатель нашъ даетъ средства на ихъ осуществленіе. За человѣкомъ же остается или осуществить ихъ, или нѣтъ. Вотъ почему Господь сказалъ Евреямъ: «аще не бысте видѣли, грѣха не бысте имѣли. Нынѣ же глаголете—видимъ, и грѣхъ вашъ пребываетъ на васъ». Воспользуется человѣкъ, подобно Корнилию, пріятностью Богу дѣла своего, не ради Христа сдѣланнаго, и увѣруетъ въ Сына Его, то и такого рода дѣло вмѣнится ему, какъ бы ради Христа сдѣланное и только за вѣру въ Него. Въ противномъ же случаѣ человѣкъ не въ правѣ жаловаться, что добро его не пошло въ дѣло. Этого не бываетъ никогда только при дѣланіи какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сдѣланное, не только въ жизни будущаго вѣка вѣнецъ правды ходатайствуетъ, но и въ здѣшней жизни преисполняетъ человѣка благодатію Духа Святаго и притомъ, какъ сказано: «не въ мѣру бо даетъ Богъ Духа Святаго. Отецъ бо любитъ Сына и вса́ даетъ въ рудѣ Его».

Такъ-то, ваше Боголюбіе! Такъ въ стяжаніи этого-то Духа Божіяго и состоитъ истинная цѣль нашей жизни христіанской, а молитва, бдѣніе, постъ, милостыня и другія ради Христа дѣлаемая добродѣтели суть только средства къ стяжанію Духа Божіяго.

— Какъ же стяжаніе? — спросилъ я батюшку Серафима: — а что-то этого не понимаю.

— Стяжаніе все равно, что пріобрѣтеніе, — отвѣчала мнѣ онъ: — вѣдь вы разумѣете, что значить стяжаніе денегъ. Такъ все равно и стяжаніе Духа Божія. Вѣдь вы, ваше Боголюбіе, понимаете, что такое въ мірскомъ смыслѣ стяжаніе? Цѣль жизни мірской обыкновенныхъ людей есть стяжаніе, или наживаніе денегъ, а у дворянъ сверхъ того — полученіе почестей, отличій и другихъ наградъ за государственныя заслуги. Стяжаніе Духа Божія есть тоже капиталъ, но только благодатный и вѣчный, и онъ, какъ я денежный, чиновный и временный пріобрѣтается почти одними и тѣми же путями, очень сходственными другъ съ другомъ. Богъ Слово, Господь нашъ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ уподобляетъ жизнь нашу торжищу и дѣло жизни нашей на землѣ именуется куплею и говоритъ всѣмъ намъ: «Купуйте, дождеже пріѣду,

искупующе время, яко дніе лукави суть», т. е. выгадывайте время для получения небесныхъ благъ черезъ земные товары. Земные товары—это добродѣтели, дѣлаемыя Христа ради, доставляющія намъ благодать Всесвятаго Духа. Въ притчѣ о мудрыхъ и юродивыхъ дѣвахъ, когда у юродивыхъ недостатало елея, сказано: «шедши купите на торжищи». Но когда онѣ купили, двери въ чертогъ брачный уже были затворены, и онѣ не могли войти въ него. Нѣкоторые говорятъ, что недостатокъ елея у юродивыхъ дѣвъ знаменуетъ недостатокъ у нихъ прижизненныхъ добрыхъ дѣлъ. Такое разуміе неправильно. Какой же это у нихъ былъ недостатокъ въ добрыхъ дѣлахъ, когда онѣ хоть юродивыя, да все же дѣвами называются? Вѣдь дѣвство есть наивысочайшая добродѣтель, какъ состояніе равноангельское, и могло бы служить замѣной само по себѣ всѣхъ прочихъ добродѣтелей. И, убогий, думаю, что у нихъ именно благодати Всесвятаго Духа Божіаго не доставало. Творя добродѣтели, дѣвы эти, по духовному своему неразумію, полагали, что въ томъ-то и дѣло лишь христіанское, чтобы однѣ добродѣтели дѣлать. Сдѣлали мы, де, добродѣтель и тѣмъ, де, и дѣло Божіе сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божіа, достигли ли онѣ ея, имъ и дѣла не было. Про такіе-то образы жизни, опирающіеся лишь на одно твореніе добродѣтелей безъ тщательнаго испытанія, приносить ли онѣ и сколько именно приносятъ благодати Духа Божіаго, и говорится въ отеческихъ книгахъ: «якъ есть путь, мняйся быти благимъ въ началѣ, но концы его—во дно адово». Антоній Великій въ письмахъ своихъ къ монахамъ говоритъ про такихъ дѣвъ: «многіе монахи и дѣвы не имѣютъ никакого понятія о различіяхъ въ воляхъ, дѣйствующихъ въ человѣкѣ, и не вѣдаютъ, что въ насъ дѣйствуютъ три воли: 1-я Божія, все-совершенная и все-спасительная; 2-я собственная своя, человѣческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и 3-я блѣсовая—вполнѣ пагубная. И вотъ эта-то третья вражеская воля и научаетъ человѣка или не дѣлать никакихъ добродѣтелей, или дѣлать ихъ изъ тщеславія, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая—собственная воля наша научаетъ насъ дѣлать все въ услажденіе нашимъ похотямъ, а то и, какъ врагъ научаетъ, творять добро ради добра, не обращая вниманія на благодать, имъ приобретаемую. Первая же—воля Божія и все-спасительная въ томъ только и состоитъ, чтобы дѣлать добро единственно лишь для стяжанія

Духа Святаго, какъ для сокровища вѣчнаго, неоскудѣваемаго и ничѣмъ вполне и достойно оцѣниться немогущаго. Оно-то, это стяжаніе Духа Святаго, собственно и называется тѣмъ елеємъ, котораго недоставало у юродивыхъ дѣвъ. За то-то онѣ и названы юродивыми, что забыли о необходимомъ плодѣ добродѣтелей, о благодати Духа Святаго, безъ котораго и спасенія никому нѣтъ и быть не можетъ, ибо: «Святымъ Духомъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлѣетъ же Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ». Самъ Духъ Святой вселется въ души наши, и это-то самое вселеніе въ души наши Его, Вседержителя, и сопребываніе съ духомъ нашимъ Его Тройческаго Единства и даруется намъ лишь черезъ всемірное съ нашей стороны стяжаніе Духа Святаго, которое и предуготовляетъ въ душѣ и плоти нашей престолъ Божіему Всетворческому съ духомъ нашимъ сопребыванію, по непреложному слову Божіему: «вселюся въ нихъ и похожу, и буду имъ въ Бога, и тѣи будутъ въ людіе Мои». Вотъ это-то и есть тотъ елей въ свѣтильникахъ у мудрыхъ дѣвъ, который могъ свѣтло и продолжительно горѣть, и дѣвы тѣ съ этими горящими свѣтильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшаго во полунощи и войти съ Нимъ въ чертогъ радости. Юродивыя же, видѣвши, что угасаютъ ихъ свѣтильники, хотя и пошли на торжище, да купить елей, но не успѣли возвратиться во время, ибо двери уже были затворены. Торжище—жизнь наша; двери чертога брачнаго затворенныя и недопустившія къ Жениху—смерть человѣческая; дѣвы мудрыя и юродивыя—души христіанскія; елей—не дѣла, но получаемая черезъ нихъ во-внутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божія, претворяющая оное отъ сего въ сіе, т. е. отъ тлѣнія въ нетлѣніе, отъ смерти душевной въ жизнь духовную, отъ тьмы въ свѣтъ, отъ вертепа существа нашего, гдѣ страсти привязаны, какъ скоты и звѣри,—въ храмъ Божества, въ привѣтный чертогъ вѣчнаго радованія о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Творцѣ и Избавителѣ, и Вѣчномъ Женихѣ душъ нашихъ. Сколь велико состраданіе Божіе къ нашему бѣдствію, т. е. невниманію къ Его о насъ попеченію, когда Богъ говоритъ: «се стою при дверяхъ и толку!..» разумѣя подъ дверями теченіе нашей жизни, еще не затворенной смертію. О, какъ желалъ бы я, ваше Боголюбіе, чтобы въ здѣшней жизни вы всегда были въ Духѣ Божіемъ! «Въ чемъ застану, въ томъ и сужду», говорятъ

Господь. Горе, великое горе, если застанетъ Онъ насъ отягощенными пощеченемъ и печалями житейскими, ибо кто стерпеть гнѣвъ Его и противъ лица гнѣва Его кто станетъ! Вотъ почему сказано. «бдите и молитесь да не внидете въ напасть», т. е. да не лишитесь Духа Божия, ибо бдѣніе и молитва приносятъ намъ благодать Его. Конечно, всякая добродѣтель, творимая ради Христа, даетъ благодать Духа Святаго, но болѣе всего даетъ молитва, потому что она какъ бы всегда въ рукахъ нашихъ, какъ орудіе для стяжанія благодати Духа. Захотѣли бы вы, напримѣръ, въ церковь сходить, да либо церкви нѣтъ, либо служба отошла; захотѣли бы нищему подать, да нищаго нѣтъ, либо нечего дать; захотѣли бы дѣвство соблюсти, да по сложенію вашему или по усилямъ вражескихъ козней, которымъ вы по немощи человѣческой прогнѣвостоять не можете, да силъ нѣтъ этого исполнить, захотѣли бы и другую какую-либо добродѣтель ради Христа сдѣлать, да тоже силъ нѣтъ, или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никакъ не относится: на нее всякому и всегда есть возможность—и богатому, и бѣдному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грѣшнику. Какъ велика сила молитвы даже и грѣшнаго человѣка, когда она отъ всей души возносится, судите по слѣдующему примѣру Священнаго Писанія: когда по просьбѣ отчаянной матери, лишившейся единороднаго сына, похищеннаго смертью, жена-блудница, понавшаая ей на пути и даже еще отъ только что бывшаго грѣха не очистившааяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу. «не мене ради грѣшницы окаанной, но слезъ ради матери, скорбящей о сынѣ своемъ и твердо увѣренной въ милосердіе и всемогущество Твоемъ, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!..»—и воскресилъ его Господь. Такъ-то, ваше Боголюбіе, велика сила молитвы, и она болѣе всего приноситъ Духа Божіаго и ее удобнѣе всего всякому исправлять. Блаженны мы будемъ, когда обратитъ насъ Господь Богъ бдящими, въ полнотѣ даровъ Духа Его Святаго! Тогда мы можемъ благодержновенно надѣяться быть восхищенными на облацѣхъ во срѣтеніе Господа на воздухѣ, грядущаго со славою и силою мноюю судити живымъ и мертвымъ и воздати коемуждо по дѣломъ его.

Вотъ, ваше Боголюбіе, за великое счастье считать изволите съ убогимъ Серафимомъ бесѣдовать, увѣрены будучи, что и онъ не лишенъ благодати Господней. То что речемъ

о Самомъ Господѣ, Источникѣ приснонеоскудѣвающемъ всякія благостыни и небесныя, и земныя?! А вѣдь молитвою мы съ Нимъ Самимъ, Всеблагимъ и Животворящимъ Богомъ и Спасомъ нашимъ бесѣдовать удостоиваемся. Но и тутъ надобно молиться лишь до тѣхъ поръ, пока Богъ Духъ Святый не сойдетъ на насъ въ извѣстныхъ Ему мѣрахъ небесной Своей благодати. И когда благоводить Онъ посѣтитъ насъ, то надлежитъ уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «прииди и вселися въ ны и очисти ны отъ всякія скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришелъ Онъ къ намъ, воже спасти насъ, уповающихъ на Него и призывающихъ Имя Его святое во истинѣ, т. е. съ тѣмъ, чтобы смиренно и съ любовію срѣтить Его, Утѣшителя, внутрь хранивъ душъ нашихъ, алчущихъ и жаждущихъ Его пришествія. Я вашему Боголюбию поясню это примѣромъ: вотъ хоть бы вы меня въ гости къ себѣ позвали, и я бы по зову вашему пришелъ къ вамъ и хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости, де, просимъ, пожалуйста, дескать, ко мнѣ! То я поневолѣ долженъ былъ бы сказать: что это онъ? изъ ума что ля выступилъ? Я пришелъ къ нему, а онъ все-таки меня зоветъ! — Такъ-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «упразднитесь и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ, вознесуся во языцѣхъ, вознесуся на земли», т. е. явлюся и буду являться всякому вѣрующему въ Меня и призывающему Меня и буду бесѣдовать съ нимъ, какъ нѣкогда бесѣдовалъ съ Адамомъ въ раю, съ Авраамомъ и Иаковомъ и съ другими рабами Моими, съ Моисеемъ, Иовомъ и имъ подобнымъ. Многие толкуютъ, что это упраздненіе относится только до дѣлъ мирскихъ, т. е., что при молитвенной бесѣдѣ съ Богомъ надобно упраздниться отъ дѣлъ міревыхъ. Но я вамъ по Божѣ скажу, что хотя и отъ нихъ при молитвѣ необходимо упраздниться, но, когда, при всемогущей силѣ вѣры и молитвы, соизволить Господь Богъ Духъ Святый посѣтитъ насъ и придетъ къ намъ въ полнотѣ неизреченной Своей благодати, то надобно и отъ молитвы упраздниться. Молвить душа и въ молвѣ находится, когда молитву творить, а при нашествіи Духа Святаго надлежитъ быть въ полномъ безмолвіи, чтобы слышать явственно и вразумительно всѣ глаголы живота вѣчнаго, которые Онъ тогда возвѣститъ соизволить. Надлежитъ притомъ быть въ полномъ трезвленіи и души, и духа и въ цѣломудренной чи-

стотѣ плоти. Такъ было при горѣ Хоривѣ, когда Израиль-тянамъ было сказано, чтобы они до явленія Божіаго на Синаѣ за три дня не прикасались бы и къ женамъ, ибо Богъ нашъ есть «огнь пощадай все нечистое», и въ общеніе съ Нимъ не можетъ войти никтоже отъ скверны плоти и духа.

III.

— Ну, а какъ же, батюшка, быть съ другими добродѣтелями, творимыми ради Христа, для стяжанія благодати Духа Святаго? Вѣдь вы мнѣ о молитвѣ только говорить изволите?

— Стяжайте благодать Духа Святаго и всѣми другими Христа ради добродѣтелями, торгуйте ими духовно, торгуйте тѣми изъ нихъ, которыя вамъ большій прибытокъ даютъ. Собирайте капиталъ благодатныхъ избытковъ благодати Божіей, кладите ихъ въ ломбардъ вѣчный Божій изъ процентовъ невещественныхъ и не по четыре или по шести на сто, но по сту на одинъ рубль духовный, но даже еще того въ безчисленное число разъ больше. Примѣрно: даетъ вамъ болѣе благодати Божіей молитва и бдѣніе, бдите и молитесь; много даетъ Духа Божіаго постъ, поститесь; болѣе даетъ милостыня, милостыню творите, и такимъ образомъ о всякой добродѣтели, дѣлаемой Христа ради, разсуждайте.

Вотъ я вамъ разскажу про себя, убогаго Серафима.— Родомъ я изъ курскихъ купцовъ. Такъ, когда не былъ я еще въ монастырѣ, мы, бывало, торговали товаромъ, который намъ больше барыша даетъ. Такъ и вы, батюшка, поступайте и, какъ въ торговомъ дѣлѣ, не въ томъ сила, чтобы лишь только торговать, а въ томъ, чтобы болѣе барыша получить, такъ и въ дѣлѣ жизни христіанской не въ томъ сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дѣло дѣлать. Хотя апостоль и говоритъ: «непрестанно молитесь», но да вѣдь, какъ помните, и прибавляетъ: «хочу лучше пять словесъ рещи умомъ, нежели тысящи языкомъ». И Господь говоритъ: «не всякъ глаголюй Ми, Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего», т. е. дѣлающій дѣло Божіе и притомъ съ благоговѣніемъ, ибо «проклятъ всякъ, иже творить дѣло Божіе съ нерадѣніемъ». А дѣло Божіе есть: «да вѣруете въ Бога и Его же послалъ

есть Иисуса Христа». Если разсудить правильно о заповѣдяхъ Христовыхъ и апостольскихъ, такъ дѣло наше христіанское состоитъ не въ увеличеніи счета добрыхъ дѣлъ, служащихъ въ цѣли нашей христіанской жизни только средствами, но въ извлеченіи изъ нихъ большей выгоды, т е. выцѣмъ приобрѣтеніи обильнѣйшихъ даровъ Духа Святаго.

Такъ желалъ бы я, ваше Боголюбіе, чтобы и вы сами стяжали этотъ присвоенеоскудѣвающій источникъ благодати Божіей и всегда разсуждали себя, въ Духѣ ли Божіемъ вы обрѣгаетесь, или нѣтъ, и если—въ Духѣ Божіемъ, то, благословенъ Богъ! — не о чемъ горевать: хоть сейчасъ — на страшный судъ Христовъ! Ибо «въ чемъ застану, въ томъ и сужду». Если же—нѣтъ, то надобно разобрать, отчего и по какой причинѣ Господь Богъ Духъ Святой изволялъ оставить насъ, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тѣхъ поръ, пока искомый Господь Богъ Духъ Святой не сыщется и снова будетъ съ нами Своею благодатию. На отгоняющихъ же насъ отъ Него враговъ нашихъ надобно такъ нападать, покуда и прахъ ихъ возметется, какъ сказалъ пророкъ Давидъ: «пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю ихъ, и не возмогутъ стати, падуть подъ ногама моима».

Такъ-то, батюшка! Такъ и ввольте торговать духовно добродѣтелью Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующимъ по примѣру свѣдци возженной, которая и сама свѣтитъ, гора земнымъ огнемъ, и другія свѣщи, не умаляя своего собственного огня, зажигаетъ во свѣтѣніе всѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И если это такъ въ отношеніи огня земного, то что скажемъ объ огнѣ благодати Всесвятаго Духа Божія?! Ибо, напримѣръ, богатство земное, при раздаваніи его, оскудѣваетъ, богатство же небесное Божіей благодати чѣмъ болѣе раздается, тѣмъ болѣе приумножается у того, кто его раздаетъ. Такъ и Самъ Господь изволялъ сказать Самарянинъ *«пій отъ воды сей возжаждетъ вновь, а пій отъ воды, юже Азь ему дамъ, не возжаждетъ во вѣки, но вода, юже Азь дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ пріисотекущій въ животъ вѣчный»*

IV.

— Батюшка,—сказала я,—вот вы все изволяете говорить о стяжаніи благодати Духа Святаго, какъ о цѣли христіанской жизни, но какъ же я гдѣ я могу ее видѣть? Добрыя дѣла видны, а развѣ Духъ Святой можетъ быть виденъ? Какъ же я буду знать со мной Онъ или нѣтъ?

— Мы въ настоящее время,—такъ отвѣчалъ старецъ,—по нашей почти всеобщей холодности къ святой вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей къ дѣйствіямъ Его Божественнаго о насъ Промысла и общенія человѣка съ Богомъ до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились отъ истинно-христіанской жизни. Намъ теперь кажутся странными слова Священнаго Писанія, когда Духъ Божій устами Моисея говоритъ: «и видѣ Адамъ Господа, ходящаго въ рая» или когда читаемъ у апостола Павла: «идохомъ во Ахайю, и Духъ Божій не иде съ нами, обратихомся въ Македонію, и Духъ Божій иде съ нами». Неоднократно и въ другихъ мѣстахъ Священнаго Писанія говорится о явленіи Бога человѣкамъ.

Вотъ нѣкоторые и говорятъ: «ети мѣста непонятны: неужели люди такъ очевидно могли видѣть Бога?» А непонятнаго тутъ ничего нѣтъ. Произошло это непониманіе отъ того, что мы удалились отъ простора первоначальнаго христіанскаго вѣдѣнія и, подъ предлогомъ просвѣщенія, зашли въ такую тьму невѣдѣнія, что намъ уже кажется неудободостижимымъ то, о чемъ древніе до того ясно разумѣли, что имъ и въ обыкновенныхъ разговорахъ понятіе о явленіи Бога между людьми не казалось страннымъ. Такъ Іовъ, когда друзья его укоряли въ томъ, что онъ хулилъ Бога, отвѣчалъ имъ: «какъ это можетъ быть, когда я чувствую дыханіе Вседержителя во ноздрѣхъ моихъ?» т. е. какъ, де, я могу хулить Бога, когда Духъ Святой со мной пребываетъ. Если бы я хулилъ Бога, то Духъ Святой отступилъ бы отъ меня, а вотъ я и дыханіе Его ощущаю въ ноздрѣхъ моихъ. Такимъ точно образомъ говорится и про Авраама и про Іакова, что они видѣли Господа и бесѣдовали съ Нимъ, и Іаковъ даже боролся съ Нимъ. Моисей видѣлъ Бога и весь народъ съ нимъ, когда онъ сподобился пріять отъ Бога скрижали закона на горѣ Синаѣ. Столбъ облачный и огненный, или что то же—явная благо-

дать Духа Святаго, служили путеводаителями народу Божию въ дустыни. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во снѣ видѣли и не въ мечтавіи, и не въ изступленіи воображенія разстроеннаго, а истинно въявь. Очень ужъ мы стали невнимательны къ дѣлу нашего спасенія, отчего и выходитъ, что мы и многія другія слова Священнаго Писанія приедемъ не въ томъ смыслѣ, какъ бы слѣдовало. А все потому, что не ищемъ благодати Божіей, не допускаемъ ей по гордости ума нашего вселяться въ души наши и потому не имѣемъ истиннаго просвѣщенія отъ Господа, посылаемаго въ сердца людей, всѣмъ сердцемъ алчущимъ и жаждающимъ правды Божіей. Вотъ, напримѣръ: многіе толкуютъ, что, когда въ Библии говорится—«вдуну Богъ дыханіе жизни въ лице Адама первозданнаго и созданнаго имъ отъ персти земной»,—что будто бы это значило, что въ Адамъ до этого не было души и духа человѣческаго, а была будто бы лишь плоть одна, созданная изъ персти земной. Невѣрно это толкованіе, ибо Господь Богъ создалъ Адама отъ персти земной въ томъ составѣ, какъ батюшка святой апостоль Павелъ утверждаетъ: «да будетъ всесовершенъ вашъ духъ, душа и плоть въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа». И всѣ три сѣи части нашего естества созданы были отъ персти земной, и Адамъ не мертвымъ былъ созданъ, но дѣйствующимъ животнымъ существомъ подобно другимъ живущимъ на землѣ одушевленнымъ Божиимъ созданіямъ. Но вотъ въ чемъ сила, что, если бы Господь Богъ не вдунулъ потомъ въ лице его сего дыханія жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, отъ Отца исходящаго и въ Сынѣ почивающаго и ради Сына въ міръ посылаемаго, то Адамъ, какъ ни былъ онъ совершенно превосходно созданъ надъ прочими Божиими созданіями, какъ вѣнецъ творенія на землѣ, все-таки пребылъ бы неизмучимъ внутри себя Духа Святаго, возводящаго его въ Богоподобное достоинство, и былъ бы подобенъ всѣмъ прочимъ созданіямъ, хотя и имѣющимъ плоть и душу, и духъ, принадлежащія каждому по роду ихъ, но Духа Святаго внутри себя неизмучимъ. Когда же вдунулъ Господь Богъ въ лице Адамова дыханіе жизни, тогда-то, по выраженію Моисееву, и «Адамъ бысть въ душу живу», т. е. совершенно во всемъ Богу подобную и такую, какъ и Онъ, на вѣки вѣковъ безсмертную. Адамъ сотворенъ былъ до того неподлежащимъ дѣйствию ни одной изъ сотворенныхъ Богомъ стихій, что его ни вода не топила, ни огонь не жегъ, ни земля не могла пожрать въ

пропастяхъ своихъ, ни воздухъ не могъ повредить какимъ бы то ни было своимъ дѣйствиємъ. Все покорено было ему, какъ любимцу Божію, какъ царю и обладателю твари. И всѣ любовались на него, какъ на всесовершенный вѣнецъ твореній Божіихъ. Отъ этого-го дыханія жизни, вдохнутаго въ лице Адамово изъ Всетворческихъ Устъ Всетворца и Вседержителя Бога, Адамъ до того преумудрился, что не было никогда отъ вѣка, вѣтъ да и едва ли и будетъ когда-нибудь на землѣ человекъ премудрѣе и многозначительнѣе его. Когда Господь повелѣлъ ему нареци имена всякой твари, то каждой твари онъ далъ на языкѣ такая названія, которыя знаменуютъ вполне всѣ качества, всю силу и всѣ свойства твари, которыя она имѣетъ по дару Божіему, дарованному ей при ея сотвореніи. Вотъ по этому-то дару вышеестественной Божіей благодати, ниспосланному ему отъ Дыханія жизни, Адамъ могъ видѣть и разумѣть и Господа, ходащаго въ раи, и постигать глаголы Его и бесѣду святыхъ ангеловъ, и языкъ всѣхъ звѣрей и птицъ, и гадовъ, живущихъ на землѣ, и все то, что нынѣ отъ насъ, какъ отъ падшихъ и грѣшныхъ, сокрыто и что для Адама до его паденія было такъ ясно. Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и всѣ прочія благія и святая качества Господь Богъ даровалъ и Евѣ, сотворивъ ее не отъ персти земной, а отъ ребра Адамова въ Едемѣ сладости, въ раи, насажденномъ Имъ посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать въ себѣ бессмертныя, Богоблагодатныя и всесовершенныя свойства сего Дыханія жизни, Богъ посадилъ посреди рая древо жизни, въ плодахъ котораго заключилъ всю сущность и полноту даровъ этого Божественнаго Своего дыханія. Если бы не согрѣшили, то Адамъ и Ева сами и все ихъ потомство могли всегда, пользуясь вкушеніемъ отъ плода древа жизни, поддерживать въ себѣ вѣчно животворящую силу благодати Божіей и бессмертную, вѣчно юную полноту силъ плоти, души и духа и непреставную нестарѣемость безконечно бессмертнаго всеблаженнаго своего состоянія, даже ꙗ воображенію нашему въ настоящее время неудобопопятаго.

Когда же вкушеніемъ отъ древа познанія добра и зла—преждевременно и противно заповѣди Божіей—узнали различіе между добромъ и зломъ и подверглись всѣмъ бѣдствіямъ, послѣдовавшимъ за преступленіе заповѣди Божіей, то лишились этого бездѣннаго дара благодати Духа Божія, такъ что до самаго пришествія въ міръ Богочеловѣка Іисуса Хри

ста, Духъ Божій «не убо бѣ въ мірѣ, яко Іисусъ не убо бѣ прославленъ». Однако это не значитъ, чтобы Духа Божіаго вовсе не было въ мірѣ, но Его пребываніе не было такимъ полномѣрнымъ, какъ въ Адамѣ или въ насъ, православныхъ христіанахъ, а проявлялось только отчасти, и признаки Его пребыванія въ мірѣ были извѣстны роду человѣческому. Такъ, напримѣръ, Адаму послѣ паденія, а равно и Евѣ вмѣстѣ съ нимъ были открыты многія тайны, относившіяся до будущаго спасенія рода человѣческаго. И Канну, несмотря на нечестіе его и его преступленіе, удобопонятенъ и внятенъ былъ гласъ благодатнаго Божественнаго, хотя и обличительнаго, собесѣдованія съ нимъ. Ной бесѣдовалъ съ Богомъ. Авраамъ видѣ Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, дѣйствовавшая отчасти, отражалась и во всѣхъ векозавѣтныхъ пророкахъ и святыхъ Израиля. У евреевъ потомъ заведены были особыя пророческія училища, гдѣ учили распознавать признаки явленія Божіаго или ангеловъ и отличать дѣйствія Духа Святаго отъ обыкновенныхъ явленій, случающихся въ природѣ неблагоприятной земной жизни. Симеону Богопріимцу, Богоотцамъ Іоакиму и Аннѣ и многимъ безчисленнымъ рабамъ Божіимъ бывали постоянныя, разнообразныя явленія Божественныя явленія, гласы откровенія, открывавшіяся очевидными чудесными событіями. Не съ такою силой, какъ въ народѣ Божіемъ, но проявленіе Духа Божіаго дѣйствовало и въ язычникахъ, не видѣвшихъ Бога Истиннаго, потому что и изъ ихъ среды Богъ находилъ избранныхъ Себѣ людей. Таковы, напримѣръ, были дѣвственницы пророчицы, сивиллы, которыя обрекали свое дѣвство хотя для Бога Невѣдомаго, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Міроправителя, каковымъ Его и язычники сознавали. Также и философы языческіе, которые хотя и во тьмѣ невѣдѣнія Божественнаго блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбивому ея исканію не непрічастными Духу Божіему, ибо сказано: «языки невѣдущіе Бога естествомъ законная творятъ и угодная Богу содѣлываютъ». А истину такъ ублажаетъ Господь, что *Самъ про нее Духомъ Святымъ возвѣщаетъ: «истина отъ земли возсія, и правда съ небесе притече».*

Такъ вотъ, ваше Боголюбіе, и въ еврейскомъ священномъ, Богу любезномъ народѣ, и въ язычникахъ, невѣдущихъ Бога, а все-таки сохранялось вѣдѣніе Божіе, т. е., батюшка, ясное и разумное пониманіе того, какъ Господь Богъ Духъ Святый

дѣйствуетъ въ человѣкѣ и какъ именно и по какимъ наружнымъ и внутреннимъ ощущеніямъ можно удостовѣриться, что это дѣйствуетъ Господь Богъ Духъ Святой, а не прелесть вражеская. Такимъ-то образомъ все это было отъ паденія Адама до пришествія Господа Нашего Иисуса Христа во плоти въ міръ.

Безъ этого, ваше Боголюбіе, всегда сохранявшагося въ родѣ человѣческомъ ощутительнаго о дѣйствіяхъ Духа Святаго пониманія, не было бы людямъ ни по чѣмъ возможности узнать въ точности—пришелъ ли въ міръ обѣтованный Адаму и Евѣ плодъ сѣмени жены, имѣющей стереть главу змѣю.

Но вотъ Симеонъ Богопріимецъ, сохраненный Духомъ Святымъ послѣ предвозвѣщенія ему на 65 году его жизни тайны приснодѣвственнаго отъ Пречистыя Приснодѣвы Маріи Его зачатія и рожденія, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божіаго 300 лѣтъ, потомъ на 365 году жизни своей сказалъ ясно въ храмѣ Господнемъ, что ощутительно узналъ по дару Духа Святаго, что это и есть Онъ Самый, Тотъ Христосъ, Спаситель міра, о вышеестественномъ зачатіи и рожденіи Коего отъ Духа Святаго ему было предвозвѣщено триста лѣтъ тому назадъ отъ ангела.

Вотъ и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесятъ лѣтъ отъ вдовства своего Господу Богу въ храмѣ Божіемъ и извѣстная по особннымъ дарамъ благодати Божіей за вдовицу праведную, чистую рабу Божію, возвѣстила, что это дѣйствительно Онъ и есть обѣтованный міру Мессія, истинный Христосъ, Богъ и человѣкъ, Царь Израилевъ, пришедшій спасти Адама.

Когда же Онъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, изволялъ совершить все дѣло спасенія, по воскресеніи Своемъ, дунулъ на апостоловъ, возобновивъ дыханіе жизни, утраченное Адамомъ, и даровалъ имъ эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божіаго. Но мало сего—вѣдь говорилъ же Онъ имъ: сунѣ есть имъ, да Онъ идетъ ко Отцу; аще же бо не идетъ Онъ, то Духъ Божій не придетъ въ міръ; аще же идетъ Онъ, Христосъ, ко Отцу, то послѣтъ Его въ міръ, и Онъ, Утѣшитель, наставитъ ихъ и всѣхъ послѣдующихъ ихъ ученію на всякую истину и воспомянетъ имъ вся, яже Онъ глаголалъ имъ еще сущи въ мірѣ съ ними». Это уже обѣщана была Имъ благодать-возблагодать. И вотъ въ день Пятидесятницы торжественно

ниспослать Онъ имъ Духа Святаго въ дыханіи бурнѣ, въ видѣ огненныхъ языковъ, на кождо изъ нихъ съдшихъ и вошедшихъ въ нихъ, и наполнившихъ ихъ силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышщей и радостворно дѣйствующей въ душахъ, причащающихся Ея силѣ и дѣйствіямъ. И вотъ эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается намъ всѣмъ вѣрнымъ Христовымъ въ таинствѣ святого крещенія, священнозапечатлѣваютъ муропомазаніемъ въ главнѣйшихъ указанныхъ святою церковію мѣстахъ нашей плоти, какъ вѣковѣчной хранильницы этой благодати. Говорится: «печатъ Дара Духа Святаго». А на что, батюшка ваше Боголюбіе, кладемъ мы, убогіе, печати свои, какъ не на сосуды, хранящіе какую-нибудь высокоцѣнную нами драгоценность? Что же можетъ быть выше всего на свѣтѣ и что драгоценнѣе даровъ Духа Святаго, ниспосылаемыхъ намъ свыше въ таинствѣ крещенія, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человѣка, что даже и отъ человѣка-еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока, обозначеннаго свыше по Промыслу Божію для пожизненной пробы человѣка на землѣ— на что де онъ будетъ годенъ и что де онъ въ этотъ Богомъ дарованный ему срокъ при посредствѣ свыше дарованной ему силы благодати сможетъ совершить. И если бы мы не грѣшили никогда послѣ крещенія нашего, то во вѣки пребыли бы святыми, непорочными и изъятими отъ всякія скверны плоти и духа угодниками Божіими. Но вотъ въ томъ то и бѣда, что мы, преуспѣвая въ возрастѣ, не преуспѣваемъ въ благодати и въ разумѣ Божіемъ, какъ преуспѣвалъ въ томъ Господь нашъ Христосъ Иисусъ, а напротивъ того, развращаясь мало-по-малу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божіаго и дѣлаемся въ многообразныхъ мѣрахъ грѣшными и многогрѣшными людьми. Но когда кто, будучи возбужденъ нищущею нашего спасенія премудростію Божіею, обходящею всяческая, рѣшится ради нея на утреннееваніе къ Богу и бдѣніе ради обрѣтенія вѣчнаго своего спасенія, тогда тотъ, послушный гласу ея, долженъ прибѣгнуть къ истинному во всѣхъ грѣхахъ своихъ покаянію и къ сотворенію противоположныхъ содѣянными грѣхамъ добродѣтелей, а черезъ добродѣтели Христа ради къ приобрѣтенію Духа Святаго, внутрь насъ дѣйствующаго и внутрь насъ царствіе Божіе устрояющаго. Слово Божіе не даромъ говоритъ:

«внутри васъ есть царствие Божье и нудно есть оно, и нудницы е восхващаютъ». То есть—тѣ люди, которые, несмотря и на узы грѣховныя, связавши ихъ и недопускающа своимъ насилемъ и возбужденемъ на новыя грѣхи, придти къ Нему, Спасителю нашему, съ совершеннымъ покаянемъ на истязаніе съ Нимъ, презирая всю крѣпость эгихъ грѣховныхъ связокъ, нудятся расторгнуть узы ихъ, такіе люди являются потомъ дѣйствительно передъ лице Божіе паче свѣга ублєнными Ею благодатию. «Придете», говоритъ Господь «и аще грѣхи ваши будутъ, яко баграное, то яко снѣгъ убѣлю ихъ». Такъ нѣкогда свягій тайновидецъ Ісавнъ Богословъ видѣлъ такихъ людей во одеждахъ бѣлыхъ, т. е. одеждахъ оправданія и «финицы въ рукахъ ихъ», какъ знаменіе побѣды, и пѣли они Богу дивную пѣснь «Аллалуія» «Красотѣ пѣнія ихъ никтоже подражати можаше» Про нихъ ангель Божій сказалъ «си суть, иже придоша отъ скорби великия, иже испраша ризы своя, и убѣлиша риза своя въ Крови Агнчей», — испраша страданіями и убѣлиша ихъ въ причащеніи Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде вѣхъ вѣкъ закланнаго Его собственною волею за спасеніе міра, присно и донныѣ закалаемаго и раздробляемаго, но николи же излдиваемаго, подающаго же намъ въ вѣчное и неоскудѣваемое спасеніе наше напутіе живота вѣчнаго во отвѣтъ благопріятнѣ на страшномъ судилищѣ Его и замѣну дражайшую и всакъ умъ превосходящую того плода древа жизни, котораго хотѣлъ было лишити нашъ родъ человѣчскій врагъ человѣковъ, спадшій съ небесе Денница. Хотя врагъ диаволь и оболститъ Еву, и съ нею палъ и Адамъ, но Господь не только даровалъ имъ Искупителя въ плодѣ Сѣмени Жены, смертію смерть поправшаго, но и далъ всѣмъ намъ въ Женѣ, Приснодѣвѣ Богородицѣ Маріи, стершей въ Самой Себѣ и стирающей во всемъ родѣ человѣческомъ главу змѣву, неотступную Ходатаицу къ Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самыхъ отчаянныхъ грѣшниковъ. Поэтому самому Божіи Матери и казывается «Язвю бѣсовомъ», ибо нѣтъ возможности бѣсу погубитъ человѣка, лишь бы только самъ человѣкъ не отступилъ отъ прабѣгания къ помощи Божіей Матери

V.

Еще, ваше Боголюбіе, долженъ я, убрѣгій Серафимъ, объяснить, въ чемъ состоятъ различіе между дѣйствіями Духа Святаго, священнотайнѣ вселяющагося въ сердца вѣрующихъ въ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, и дѣйствіями тьмы грѣховной, по наущенію и ражженію бѣсовскому воровски въ насъ дѣйствующей. Духъ Божій воспоминаетъ намъ словеса Господа нашего Іисуса Христа и дѣйствуетъ едино съ Нимъ, всегда тожественно, радостно-творя сердца наши и управляя стопы наши на путь миренъ, а духъ лестчій, бѣсовскій, противно Христу мудрствуетъ, и дѣйствія его въ насъ мятежны, стропотны и исполнены похотью плотской, похотью очесъ и гордостью житейскою «Аминь, аминь, глаголю вамъ, и всякъ живый и вѣруй въ Мя не умретъ во вѣки»: имѣющій благодать Святаго Духа за правую вѣру во Христа, если бы по немощи человѣческой и умеръ душевно отъ какого-либо грѣха, то не умретъ во вѣки, но будетъ воскрешенъ благодатію Господа нашего Іисуса Христа, взяющаго грѣхи міра и туне дарующаго благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему міру и роду нашему человѣческому въ Богочеловѣчѣ, и сказано въ Евангеліи: «въ Тожъ животь бѣ и животь бѣ свѣтъ человѣкомъ», и прибавлено: «и свѣтъ во тьмѣ свѣтится и тьма его не объятъ». Это значить, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещеніи во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грѣхопаденіе человѣческія, несмотря на тьму вокругъ души нашей, все-таки свѣтится въ сердцѣ исконц бывшимъ Божественнымъ свѣтомъ безцѣнныхъ заслугъ Христовыхъ. Этотъ свѣтъ Христовъ при нераскаванні грѣшника глаголетъ ко Отцу: Авва Отче! не до конца прогнѣвайся на нераскаянность эту! а потому, при обращеніи грѣшника на путь покаянія, совершенно изглаживаетъ и слѣды содѣянныхъ преступленій, одѣвая бывшаго преступника снова одеждой нетлѣнія, сотканной изъ благодати Духа Святаго, о стяжаніи которой, какъ о цѣли жизни христіанской, я и говорю столько времени вашему Боголюбію.

Еще скажу вамъ, чтобы вы еще яснѣе поняли, что разумѣть подъ благодатію Божіею и какъ распознать ее и въ

чемъ особливо проявляется ея дѣйствіе въ людяхъ, ею просвѣщенныхъ. Благодать Духа Святаго есть свѣтъ, просвѣщающій челоѣка. Объ этомъ говоритъ все Священное Писаніе. Такъ Богоотецъ Давидъ сказалъ: «свѣтильникъ ногама мовма законъ Твой и свѣтъ стезямъ мовмъ, и аще не законъ Твой на учене мнѣ былъ, тогда убо погиблъ быхъ во смиреніи моемъ». То-есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся въ законѣ словами заповѣдей Господнихъ, есть «свѣтильникъ и свѣтъ мой», и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я такъ тпательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбахъ правды Твоей, просвѣщала меня во тьмѣ заботъ, сопряженныхъ съ великимъ званіемъ моего царскаго сана, то откуда бы я взялъ себѣ хоть искру свѣта, чтобы озарить путь свой по дорогѣ жизни, темной отъ недоброжелательства недруговъ моихъ? И на самомъ дѣлѣ Господь неоднократно проявлялъ для многихъ свидѣтелей дѣйствіе благодати Духа Святаго на тѣхъ людяхъ, которыхъ Онъ освящалъ и просвѣщалъ великими наптіями Его. Вспомните про Моисея послѣ бесѣды его съ Богомъ на горѣ Синайской. Люди не могли смотрѣть на него — такъ сиялъ онъ необыкновеннымъ свѣтомъ, окружавшимъ лицо его. Онъ даже принужденъ былъ являться народу не иначе, какъ подъ покрываломъ. Вспомните Преображеніе Господне на горѣ Фаворѣ. Великій свѣтъ облялъ Его и «быша ризы Его, блещущія яко снѣгъ, и ученицы Его отъ страха падоша ницъ». Когда же Моисей и Ілія явились къ Нему въ томъ же свѣтѣ, то, чтобы скрыть сіяніе свѣта Божественной благодати, ослѣпившей глаза учениковъ, «облакъ», сказано, «осѣни ихъ». И такимъ-то образомъ благодать Всесватого Духа Божія является въ неизреченномъ свѣтѣ для всѣхъ, которымъ Богъ являетъ дѣйствіе ея.

VI.

— Какимъ же образомъ,—спросилъ я батюшку о Серафима,—узнать мнѣ, что я нахожусь въ благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбіе, очень просто!—отвѣчалъ онъ мнѣ,—повтому-то и Господь говоритъ: «вся проста суть обрѣтающимъ разумъ»... Да бѣда-то вся наша въ томъ, что

сами-то мы не ищемъ этого разума Божественнаго, который не кичить ¹⁾, ибо не отъ міра сего есть. Разумъ этотъ, исполненный любовью къ Богу и ближнему, создаетъ всякаго чловѣка во спасеніе Ему. Про этотъ разумъ Господь сказалъ: «Богъ хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истинны прійти». Апостоламъ же Своимъ про недостатокъ этого разума Олъ сказалъ: «ни ли неразумливы есте и не чли ли Писанія, и притчи сія не разумѣете ли?..» Опять же про этотъ разумъ въ Евангеліи говорится про апостоловъ, что «отверзъ имъ тогда Господь разумъ разумѣти Писанія». Находясь въ этомъ разумѣ, и апостолы всегда видѣли, пребываетъ ли Духъ Божій въ нихъ, или нѣтъ и, проникнутые имъ и вида сопребываніе съ ними Духа Божія, утвердительно говорили, что дѣло ихъ свято и вполне угодно Господу Богу. Этимъ и объясняется, почему они въ посланіяхъ своихъ писали: «изволися Духу Святому и намъ» и только на этихъ основаніяхъ и предлагали свои посланія, какъ истину непреложную, на пользу всѣмъ вѣрнымъ—такъ св. апостолы оцутительно сознавали въ себѣ присутствіе Духа Божіаго... Такъ вотъ, ваше Боголюбіе, видите ли, какъ это просто?»

Я отвѣчалъ:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо увѣреннымъ, что я въ Духѣ Божіемъ. Какъ мнѣ самому въ себѣ распознавать Его истинное явленіе?

Батюшка о. Серафимъ отвѣчалъ:

— Я уже, ваше Боголюбіе, сказалъ вамъ, что это очень просто и подробно рассказалъ вамъ, какъ люди бывають въ Духѣ Божіемъ и какъ должно разумѣть Его явленіе въ насъ... Что же вамъ, батюшка, еще надобно?

— Надобно,—сказалъ я,—чтобы я понялъ это хорошенько!..

Тогда о. Серафимъ взялъ меня весьма крѣпко за плечи и сказалъ мнѣ:

— Мы оба теперь, батюшка, въ Духѣ Божіемъ съ тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвѣчалъ:

— Не могу, батюшка, смотрѣть, потому что изъ глазъ вашихъ молніи сыпятся. Лицо ваше сдѣлалось свѣтлѣе солнца, и у меня глаза ломаютъ отъ боли!..

О. Серафимъ сказалъ:

¹⁾ Не гордится.

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! и вы теперь сами такъ же свѣтлы стали, какъ и я самъ. Вы сами теперь въ полнотѣ Духа Божіаго, иначе вамъ нельзя было бы и меня та нымъ видѣть.

И преклонивъ ко мнѣ свою голову, онъ тихоенько на ухо сказалъ мнѣ

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную къ вамъ милость Его. Вы видѣли, что я и не перекрестился даже, а только въ сердцѣ моемъ мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказалъ Господи! удостой его ясно и тѣлесными глазами видѣть то сошествіе Духа Твоего, которымъ Ты удостоиваешь рабовъ Своихъ, когда благоволишь являться во свѣтѣ великолѣпной славы Твоей. И вотъ, батюшка, Господь и исполнилъ мгновенно смиренную просьбу убогаго Серафима. Какъ же намъ не благодарить Его за этотъ Его неизреченный даръ намъ обоимъ! Этакъ, батюшка, не всегда и великимъ пустынникамъ являетъ Господь Богъ милость Свою. Эта благодать Божія благоволила утѣшить сокрушенное сердце ваше, какъ мать чадолюбивая, по представельству Самой Матери Божіей. — Что жъ, батюшка, не смотрите мнѣ въ глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь съ нами!

Я взглянулъ послѣ этихъ словъ въ лицо его, и напалъ на меня еще бблшій благоговѣйный ужасъ. Представьте себѣ, въ серединѣ солнца, въ самой блистательной яркости его потуденныхъ лучей, лицо человѣка съ вами разговаривающаго. Вы видите движеніе устъ его, мѣняющееся выраженіе его глазъ, слышите его голосъ, чувствуете, что кто-то васъ руками держитъ за плечи, но не только рукъ этихъ не видите не видите ни самихъ себя, ни фигуры его, а только одинъ свѣтъ ослѣпительный, простирающійся далеко, на нѣсколько сажень кругомъ, и озаряющій яркимъ блескомъ своимъ и снѣжную целену, покрывающую поляну, и снѣжную крупу, осыпающую сверху и меня, и великаго старца. Возможно ли представить себѣ то положеніе, въ которомъ я на ходился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? — спросилъ меня о Серафимѣ

— Необыкновенно хорошо! — сказалъ я

— Да какъ же хорошо? Что именно?

Я отвѣчалъ

— Чувствую я такую тишину и миръ въ душѣ моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие,—сказалъ батюшка о. Серафимъ,—тотъ миръ, про который Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: «миръ мой даю вамъ, не якоже миръ даетъ, Азъ даю вамъ. Аще бо отъ міра были бысте, миръ убо любилъ свое, но якоже избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавижди васъ миръ. Обаче держайте, яко Азъ побѣдихъ миръ». Вотъ этимъ-то людямъ, ненавидимымъ отъ міра сего, избраннымъ же отъ Господа, и даетъ Господь тотъ миръ, который вы теперь въ себѣ чувствуете; «миръ», по слову апостольскому, «всякъ умъ преимущій». Такимъ его называетъ апостоль, потому что нельзя выразить никакимъ словомъ того благосостоянія душевнаго, которое онъ производитъ въ тѣхъ людяхъ, въ сердца которыхъ его виѣдраетъ Господь Богъ. Христосъ Спаситель называетъ его миромъ отъ щедротъ Его Собственныхъ, а не отъ міра сего, ибо. никакое временное земное благополучіе не можетъ дать его сердцу человѣческому: онъ свыше даруется отъ Самого Господа Бога, почему и называется миромъ Божиимъ... Что же еще чувствуете вы?—спросилъ меня о. Серафимъ.

— Необыкновенную сладость!—отвѣчалъ я.

И онъ продолжалъ:

— Это та сладость, про которую говорится въ Священномъ Писаніи: «отъ тука дому Твоего упиются и потокомъ сладости Твоея напоиши я». Вотъ эта-то теперь сладость преисполняетъ сердца наши и разливается по всѣмъ жиламъ нашимъ неизреченнымъ услажденіемъ. Отъ этой-то сладости наши сердца какъ будто таютъ, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никакимъ языкомъ выражено быть не можетъ... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всемъ моемъ сердцѣ!

И батюшка о. Серафимъ продолжалъ:

— Когда Духъ Божій снисходитъ къ человѣку и осѣвляетъ его полнотою Своего нагтія, тогда душа человѣческая преисполняется неизреченною радостію, ибо Духъ Божій радостно творить все, къ чему бы Онъ ни приносился. Это та самая радость, про которую Господь говоритъ въ Евангеліи Своемъ: «жева егда рождаетъ, скорбь имать, яко приде годъ ея; егда же родитъ отроча, къ тому не помнитъ скорби за радость, яко человѣкъ родися въ миръ. Въ мирѣ скорби будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ». Но какъ бы ни была утѣшительна радость эта, которую вы теперь чувствуете въ сердцѣ своемъ,

все таки она ничтожна въ сравнении съ тою, про которую Самъ Господь устами Своего апостола сказалъ, что радости той «ни око не видѣ, ни ухо не слыша, ни на сердце челоуку не въдоша благая, яже уготова Богъ любящимъ Его». Предздатки этой радости даются намъ теперь, и если отъ нихъ такъ сладко, хорошо и весело въ душахъ нашихъ, то что сказать о той радости, которая уготована тамъ, на небесахъ, плачущимъ здѣсь на землѣ? Вотъ и вы, батюшка, довольно-таки поплакали въ жизни вашей на землѣ, и сморите-ка, какою радостью утѣшаетъ васъ Господь еще въ здѣшней жизни. Теперь за нами, батюшка, дѣло, чтобы, труды къ трудамъ прилагая, восходить намъ отъ силы въ силу и достигнуть мѣры возраста исполненія Христова, да сбудутся на насъ слова Господни «терпяще же Господа, тѣ измѣнять крѣпость, окрѣпляютъ, яко орля, потекутъ и не урудаются, пойдутъ и не взыдуть, пойдутъ отъ силы въ силу, и явится имъ Богъ Боговъ въ Словѣ разумѣния и небесныхъ видѣній». Вотъ тогда то наша теперешняя радость, являющаяся намъ въ малѣ и вкратцѣ, явится во всей полнотѣ своей и никто-же возьметъ ее отъ насъ, преисполняемыхъ неизъяснимыхъ пренебесныхъ наслажденій. Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвѣчалъ

— Теплоту необыкновенную!

— Какъ, батюшка, теплоту? Да вѣдь мы въ лѣсу сидимъ. Теперь зима на дворѣ, и подъ ногами снѣгъ, и на насъ болѣе вершка снѣгу, и сверху крупа падаетъ. Какая же можетъ быть тутъ теплота?

Я отвѣчалъ

— А такая, чья бываетъ въ банѣ, когда поддадутъ на каменку и когда изъ нея столбомъ паръ валить.

— И запахъ, — спросилъ онъ меня, — такой же, какъ изъ бани?

— Нѣтъ — отвѣчалъ я, — на землѣ нѣтъ ничего подобнаго этому благоуханію. Когда, еще при жизни матушки моей, я любилъ танцовать и ѣздилъ на балы и танцевальныя вечера, то матушка моя опрыснетъ меня, бивало, духами, которые покупала въ лучшихъ модныхъ магазинахъ въ азани, но гдѣ духи не издаютъ такого благоуханія.

И батюшка о Серафимѣ, приятно улыбувшись, сказалъ

— И самъ я батюшка, знаю это точно такъ же, какъ и вы, да нарочно спрашиваю у васъ — такъ ли вы это чувствуете?

Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая пріятность земного благоуханія не можетъ быть сравнена съ тѣмъ благоуханіемъ, которое мы теперь ощущаемъ, потому что насъ теперь окружаетъ благоуханіе Святаго Духа Божія. Что же земное можетъ быть подобно ему!.. Замѣьте же, ваше Боголюбие, вѣдь вы сказали мнѣ, что кругомъ насъ тепло, какъ въ банѣ, а посмотрите-ка, вѣдь ни на васъ, ни на мнѣ снѣгъ не таесть и подъ нами также. Стало быть теплота эта не въ воздухѣ, а въ насъ самихъ. Она-то и естъ именно та самая теплота, про которую Духъ Святой словами молитвы заставляеъ насъ вопіять къ Господу: «теплотою Духа Твоего Святаго согрѣй ма!» Ею-то согрѣваемые пустыяники и пустыяницы не боялись зимняго мраза, будучи одѣваемы, какъ въ теплыя шубы, въ благодатную одежду, отъ Святаго Духа истканную. Такъ вѣдь и должно быть на самомъ дѣлѣ, потому что благодать Божія должна обитать внутри насъ, въ сердцѣ нашемъ, ибо Господь сказалъ: «царствіе Божіе внутри васъ естъ». Подъ царствіемъ же Божіимъ Господь разумѣлъ благодать Духа Святаго. Вотъ это царствіе Божіе теперь внутри насъ и находится, а благодать Духа Святаго и отънѣ осіяваетъ и согрѣваетъ насъ и, преисполняя многоразличнымъ благоуханіемъ окружающій насъ воздухъ, услаждаетъ наши чувства пренебеснымъ услажденіемъ, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положеніе естъ то самое, про которое апостоль говоритъ: «царствіе Божіе нѣсть пища и питье, но правда и миръ о Дусѣ Святѣ». Вѣра наша состоитъ «не въ препретельныхъ земныхъ премудрости словахъ, но въ явленіи силы и духа». Вотъ въ этомъ-то состояніи мы съ вами теперь и находимся. Про это состояніе именно и сказалъ Господь: «суть нѣдци отъ здѣ стоящихъ, иже не имуть вкусаи смерти, дондеже видятъ царствіе Божіе, пришедшее въ силѣ»... Вотъ, батюшка ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобилъ насъ теперь Господь Богъ!.. Вотъ что значить быть въ полнотѣ Духа Святаго, про которую святой Макарій Египетскій пишетъ: «я самъ былъ въ полнотѣ Духа Святаго»... Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и насъ, убогихъ, преисполнилъ теперь Господь... Ну ужъ теперь нечего болѣе, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, какимъ образомъ ваютъ люди въ благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явленіе неизреченной милости Божіей, посѣившей насъ?

— Не знаю, батюшка!—сказала я,—удостоить ли меня Господь навсегда помнить такъ живо и явственно, какъ теперь я чувствую эту милость Божію.

— А я мню,—отвѣчалъ мнѣ о. Серафимъ,—что Господь поможетъ вамъ навсегда удержать это въ памяти вашей, ибо иначе благодать Его не приклонилась бы такъ мгновенно къ смиренному моленію моему и не предварила бы такъ скоро послушать убогаго Серафима тѣмъ болѣе, что и ве для васъ однихъ дано вамъ разумѣть это, а черезъ васъ для цѣлаго міра, чтобы вы сами, утвердившись въ дѣлѣхъ Божіихъ, и другіе могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монахъ, а вы мірской человѣкъ, то объ этомъ думать нечего: у Бога изыскается правая вѣра въ Него и Сына Его едиnorodнаго. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищетъ сердца, преисполненнаго любовью къ Богу и ближнему — вотъ престоль, на которомъ Онъ любитъ возсѣдать и на которомъ Онъ является въ полномъ Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое!» говорятъ Онъ: «а все прочее Я Самъ приложу тебѣ», ибо въ сердцѣ человѣческомъ можетъ вмѣщаться царствіе Божіе. Господь заповѣдуетъ ученикамъ Своимъ: «ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вса приложатся вамъ. Вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, яко всѣхъ сихъ требуете». Не укоряетъ Господь Богъ за пользование благами земными, ибо и Самъ говоритъ, что по положенію нашему въ жизни земной, мы всѣхъ сихъ требуемъ, т. е. всего, что успокаиваетъ на землѣ нашу человѣческую жизнь и дѣлаетъ удобнымъ и болѣе легкимъ путь нашъ къ отечеству небесному. На это опираясь, св. апостоль Петръ сказалъ, что по его мнѣнію нѣтъ ничего лучше на свѣтѣ, какъ благочестіе, соединенное съ довольствомъ. И церковь святая молится о томъ, чтобы это было намъ даровано Господомъ Богомъ, и хотя прискорбія, несчастія и разнообразныя нужды и неразлучны съ нашею жизнью на землѣ, однако же Господь Богъ не хотѣлъ и не хочетъ, чтобы мы были только въ однѣхъ скорбяхъ и напастяхъ, почему и заповѣдуетъ намъ черезъ апостоловъ носить тяготы другъ друга и тѣмъ исполнить законъ Христовъ. Господь Иисусъ лично даетъ намъ заповѣдь, чтобы мы любили другъ друга и, соутѣшаясь этой взаимной любовью, облегчали себѣ прискорбный и тѣсный путь нашего шествованія къ отечеству небесному. Для чего же Онъ и съ небесъ сошелъ къ намъ, какъ

не для того, чтобы, воспріявъ на Себя нашу нищету, обогатить насъ богатствомъ благодати Своей и Своихъ невареченныхъ щедротъ. Вѣдь пришелъ Онъ не для того, чтобы послужили Ему, но да послужитъ Самъ другимъ и да дастъ душу Свою за избавленіе многихъ. Такъ и ваше Боголюбіе творите и, видѣвши явно оказанную вамъ милость Божію, сообщайте о томъ всякому желающему себѣ спасенія. «Жатвы бо много», говоритъ Господь: «дѣлателей же мало». Вотъ и насъ Господь Богъ извелъ на дѣланіе и далъ дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасенія нашихъ ближнихъ черезъ множайшее число приведенныхъ нами въ царствіе Божіе, привесли Ему плоды—ово тридцать, ово шестьдесятъ, ово же сто. Будемъ же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть намъ осужденнымъ съ тѣмъ лукавымъ и лѣнивымъ рабомъ, который закопалъ свой талантъ въ землю, а будемъ стараться подражать тѣмъ благимъ и вѣрнымъ рабамъ Господа, которые принесли Господину своему одинъ вмѣсто двухъ—четыре, другой вмѣсто пяти—десять. О милосердіи же Господа Бога сомнѣваться нечего: сами, ваше Боголюбіе, видите, какъ слова Господни, сказанныя черезъ пророка, сбылись на насъ. «Нѣсмь Азъ Богъ издалека, но Богъ въ близы и при устѣхъ твоихъ есть спасеніе твое». Не успѣлъ я, убогій, перекреститься, а только лишь въ сердцѣ своемъ пожелалъ, чтобы Господь удостоилъ васъ видѣть Его благодѣянію во всей ея полнотѣ, какъ уже Онъ немедленно и на дѣлѣ исполненіемъ моего пожеланія послѣднѣ изволилъ. Не велехвалился говорю я это и не съ тѣмъ, чтобы показать вамъ свое значеніе и привести васъ въ зависть и не для того, чтобы вы подумали, что я монахъ, а вы мірянинъ, нѣтъ, ваше Боголюбіе, нѣтъ! «Близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ, и нѣсть у Него зрѣнія на лица, Отецъ бо любитъ Сына и вся дастъ въ рудѣ Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небеснаго, истинно по сыновнему. Господь равно слушаетъ и монаха, и мірянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога изъ глубины душъ своихъ, и оба имѣли въ Него вѣру, хотя бы «яко зерно горюшно», и оба двинуть горы. «Единъ движетъ тысящи, два же тѣмы». Самъ Господь говоритъ: «вся возможна вѣрующему», а батюшка святой апостолъ Павелъ велегласно восклицаетъ: «вса могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ». Не дивнѣ ли еще этого Господь нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ о вѣрующихъ въ

Него: «вѣруй въ Мя, дѣла не точію яже Азъ творю, но и больше сихъ сотворить, яко Азъ иду ко Отцу Моему и умолю Его о васъ, да радость вапа исполнена будетъ. Доселѣ не просите ничесоже во имя Мое, нынѣ же просите и примете». . . Такъ-то, ваше Боголюбіе, все, о чемъ бы вы ни попросили у Господа Бога, все воспримете, лишь бы только то было во славу Божию, или на пользу ближняго, потому что и пользу ближняго Онъ же къ славі Своей относитъ, почему и говорить: «вся, яже единому отъ меньшихъ сихъ сотвористе, Мнѣ сотвористе». Такъ не имѣйте никакого сомнѣнія, чтобы Господь Богъ не исполнилъ вашихъ прошеній, лишь бы только они или къ славі Божіей или къ пользамъ и назиданію ближнихъ относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды или пользы, или выгоды вамъ что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Богъ изволитъ послать вамъ, только бы въ томъ *крайняя* нужда и необходимость настояла, ибо любить Господь любящихъ Его; благъ Господь всячески, щедритъ же и даетъ и непризывающимъ имени Его; и щедроты Его во всѣхъ дѣлахъ Его, волю же боящихся Его сотворить и молитву ихъ услышишь, и весь совѣтъ ихъ исполнить, исполнить Господь вся прошенія твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбіе, чтобы не просить у Господа того, въ чемъ не будете имѣть крайней нужды. Не откажетъ Господь вамъ и въ томъ за вашу православную вѣру и Христа Спасителя, ибо не предастъ Господь жезла праведныхъ на жребій грѣшныхъ и волю раба Своего Давида сотворить неукоснительно, однако взыщеть съ него, зачѣмъ онъ тревожилъ Его безъ особой нужды, просиль у Него того, безъ чего могъ бы весьма удобно обойтись.

Такъ-то, ваше Боголюбіе, все я вамъ сказалъ теперь и на дѣлѣ показалъ, что Господь и Божія Матерь черезъ меня, убогаго Серафима, вамъ сказать и показать соблаговолили. Грядите же съ миромъ. Господь и Божія Матерь съ вами да будутъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Грядите же съ миромъ!..»

И во все время бесѣды этой съ того самаго времени, какъ лицо о. Серафима просвѣтилось, видѣніе это не переставало и все съ начала разсказа и доселѣ сказанное говорилъ онъ мнѣ, находясь въ одномъ и томъ же положеніи. Исходившее же отъ него неизреченное блистаніе свѣта видѣлъ я самъ, своими собственными глазами, что готовъ подтвердить и присагою.

На этомъ мѣстѣ заканчивается Мотовиловская рукопись. Глубину значенія этого акта торжества Православія не могу перу стать выяснять и подчеркивать, да онъ и не требуетъ свидѣтельства о себѣ, ибо самъ о себѣ свидѣтельствуеть съ такой несокрушимой силой, что его значенія не умалить суесловіямъ міра сего.

Но если бы кто могъ видѣть, въ какомъ видѣ достались мнѣ бумаги Мотовилова, хранившія въ своихъ тайникахъ это драгоценное свидѣтельство богоугоднаго житія святого старца! Пыль, галочки и голубиныя черья, птичій пометъ, обрывки совѣтъ неинтересныхъ счетовъ, бухгалтерскія, сельско-хозяйственныя выписки, копія съ прошеній, письма стороннихъ лицъ — все въ одной кучѣ, вперемѣшку одно съ другимъ и всего вѣсу 4 п. 25 ф. Всѣ бумаги ветхія, испи-санныя бѣглымъ и до такой степени неразборчивымъ почеркомъ, что я просто въ ужасъ пришелъ: гдѣ тутъ разоб-раться?¹

Разбирая этотъ хаосъ, натываясь на всевозможныя прет-кновения—особенно, почеркъ былъ для меня камнемъ прет-кновения, — я, помню, чуть не поддался отчаянію. А тутъ среди всей этой макулатуры нѣтъ, нѣтъ и блеснетъ искор-кой во тьмѣ съ трудомъ разобранная фраза: «батюшка о. Серафимъ говорилъ мнѣ»... Что говорилъ? Что скрываютъ въ себѣ эти неразгаданные гіероглифы? Я приходилъ въ отчаяніе

Помню подъ вечеръ цѣлаго дня упорнаго и бесплоднаго труда я не вытерпѣлъ и взмолился: батюшка Серафимъ! Неужели же для того ты далъ мнѣ возможность получить рукописи твоего «служки» изъ такой дали, какъ Дивѣевъ, чтобы неразобранными возвратитъ ихъ забвенію?

Отъ души, должно быть, было мое восклицаніе. На утро, взявшись за разборъ бумагъ, я сразу нашель и настоя-щую рукопись и тутъ же получилъ способность разбира-ть Мотовиловскій почеркъ. Не трудно представить себѣ мою радость, и какъ знаменательными мнѣ показались слова этой рукописи: «а я мню», отвѣчалъ мнѣ о. Серафимъ: «что Господь поможетъ вамъ навсегда удержать это въ памяти, ибо вначе благодѣ Его не приклонилась бы такъ мгновенно къ смиренному моленію моему и не предварила бы такъ скоро послушать убогаго Серафима, тѣмъ болѣе, что и не для васъ однихъ дано вамъ разумѣть это, а черезъ васъ для цѣлаго міра»...

Семьдесят долгихъ лѣтъ лежало это сокровище подъ спудомъ на чердакахъ, среди равнаго забытаго хлама. Надо же было ему попасть въ печать, да еще когда? передъ самымъ прославленіемъ святыхъ мощей того, кого православная церковь уже начинаетъ просить:

«Преподобне отче Серафиме! моли Бога о насъ!»

19 мая 1903 года.

